

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Людмилы Астаховой
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл

«ЗНАЮЩИЙ НЕ ГОВОРИТ»

**НАЕМНИК ЗИМЫ
АРМИЯ СУДЬБЫ
ДРУГАЯ РЕКА
ПРИГОРШНЯ ВЕЧНОСТИ**

В соавторстве с Яной Горшковой
КОШКА КОЛДУНА

В соавторстве с Яной Горшковой
и Екатериной Рысь
ПЕЧАТЬ БОГИНИ НЮЙВЫ

Людмила АСТАХОВА,
Яна ГОРШКОВА,
Екатерина РЫСЬ

ПЕЧАТЬ БОГИНИ НЮЙВЫ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А91

Серия основана в 2004 году
Выпуск 591

Художник
О. Бабкин

Астахова Л. В., Горшкова Я. А., Рысь Е.

А91 Печать богини Ньювы: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 378 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2097-1

Время — это змей, который сам себя кусает за хвост. Саша Сян, девушка из Тайбэя, получает в наследство от своей русской бабушки загадочный дневник, и в ее жизни начинают происходить странные и мистические события. Чтобы спастись, она должна распутать клубок из тайн, в сердцевине которого — история двух русских барышень, по воле древней богини попавших из двадцатого века в жестокий мир воюющих династий. Может ли так быть, что сквозь времена и эпохи любовь красной нитью связала Сашу с мужчиной из прошлого? И что случится, когда прочитана будет последняя страница легенды, в которой смерть и страсть сплелись воедино, как инь и ян?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Астахова Л. В., Горшкова Я. А.,
Екатерина Рысь, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2097-1

Глава 1

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Когда самолет зашел на посадку в аэропорту Тайбэя, Саша в последний раз перечитала письмо из адвокатской конторы и поморщилась. Кто бы мог подумать, что несколько строчек, напечатанных на дорогой плотной бумаге, способны так кардинально изменить привычное течение ее жизни!

Девушка откинулась на спинку кресла, рассматривая в иллюминатор пушистые, подсвеченные утренним солнцем облака. На пальце ее, поймав блик, сверкнуло тонкое золотое кольцо — символ недавней помолвки. Пока еще не свадьбы. Мысль эта отчего-то успокаивала, и Саша невольно улыбнулась, изумляясь своей нерешительности в этом в общем-то важном вопросе.

Причин медлить со свадьбой у нее не было. Они с Ли знали друг друга достаточно долго и хорошо, чтобы понимать — союз их будет гармоничным и удобным. Девушка прикрыла глаза, представляя себе будущее: дом в Сан-Франциско, совместные завтраки... дети, такие же улыбочивые и кареглазые, как и ее будущий муж. Картина, нарисованная в ее воображении, казалась поистине идеальной, и все же чего-то в ней не хватало.

Александра виновато глянула на аккуратный конверт, лежащий на ее коленях. Нужно было признаться себе — получив неожиданную и тревожную весть из Тайбэя, она воспользовалась ситуацией и сбежала. От окончательного решения, от собственных сомнений. От Ли.

— Добро пожаловать в Тайбэй, — произнес в динамиках ровный женский голос. — Температура воздуха за бортом...

Девушка вздохнула и постаралась сосредоточиться, но мысли, юркие и суетливые, как пчелы, упрямо жужжали в го-

лове. Сходя с трапа, забирая свой багаж, улыбаясь и кланяясь сотрудникам аэропорта, она все равно думала об одном: что же понадобилось самым уважаемым адвокатам Тайбэя от нее так срочно и безотлагательно?

По телефону законники говорить не пожелали: нет-нет, никак не возможно, совершенно исключено, дело слишком важное, слишком конфиденциальное. Саша, привыкшая за последние годы к некоторой американской бесцеремонности, конечно, посоветовала бы им самим прилететь к ней в Сан-Франциско: вам надо, вы и старайтесь, почтенные. Но мягкий и вежливый голос назвал заветное имя из прошлого, самое любимое и дорогое, — и девушка попала на крючок.

— Госпожа Сян Александра Джи, мы с почтением приветствуем вас. — Так, с вкрадчивой осторожной вежливостью, присущей тем, кто привык говорить о тайнах, было ей сказано всего два дня назад. — Адвокатская компания «Мин Са и сыновья», Тайбэй, к вашим услугам. Позвольте передать вам сердечный подарок и привет от вашей покойной бабушки, достопочтенной Сян Тьян Ню. В приватной обстановке и лично, если вы не возражаете.

Саша поправила сумочку на плече, тряхнула головой. Что же, она здесь — и готова, пожалуй, ко всему. Бабушка была личностью незаурядной, немного эксцентричной и вполне могла оставить своей любимой внучке наследство, о котором не поставила в известность семью. Но если это какой-то обман...

«О, вы пожалеете», — приветливо кивнув таксисту, пообещала себе девушка.

В кабинете господина Мин Са, старшего партнера адвокатской компании «Мин Са и сыновья», было просторно и прохладно. Кондиционер с чуть слышным гудением изгонял из воздуха присущие Тайбэю запахи цветов, акации, влажной земли и бензина. Светлые стены с тонко подобранными картинами, диваны, распахнувшие свои кожаные пасти будто для того, чтобы проглотить любого, кто осмелиться присесть на такую роскошь, — все вокруг говорило о деньгах.

Александра сложила руки на коленях и чуть приподняла подбородок. Напротив нее с абсолютно непроницаемым выражением лица сидел господин Мин Са собственной персо-

ной. Губы его изгибались в улыбке, но глаза, темные и внимательные, были холодны.

— Госпожа Сян, — выдержав приличествующую случаю паузу, наконец произнес он. — Приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что наша контора так грубо и несвоевременно побеспокоила вас.

Девушка сжала зубы. В Сан-Франциско она отвыкла носить маску — там люди улыбались, горевали и гневались открыто, не стесняясь. Тайбэй же...

«Держи лицо», — приказала она себе и едва заметно кивнула господину Мин Са.

— Что вы, — слегка охрипшим голосом сказала она, — это я должна извиниться перед вами за свою первоначальную недоверчивость.

— Ах. — Адвокат, внезапно напомнивший ей старинные изображения Будды, сдержанно рассмеялся. — Я понимаю, что причина, побудившая нас связаться с вами, очень необычна.

Девушка сглотнула. Да. Он прав. Подарок от бабушки. От бабушки, которая умерла почти десять лет назад. Если это не необычно, то что тогда? Глубоко вздохнув, она распрямила плечи. Пора было переходить к делу — тратить время и нервы на бессмысленную ритуальную вежливость сейчас не было ни настроения, ни сил.

— По телефону вы сказали, что бабушка что-то мне оставила, — решительно заявила Александра и отчего-то почувствовала удовлетворение, увидев, как чуть приподнялись брови адвоката, пораженного ее прямолинейностью.

— Это так, — согласился Мин Са. — Ваша почтенная родственница всю жизнь пользовалась услугами нашей конторы и последнее свое волеизъявление в этом мире тоже доверила исполнить нам. И мы его конечно же исполним. Только проявите еще немного благорасположения к нашей скромной компании, молодая госпожа, и ответьте на один вопрос.

Девушка нахмурилась было, но потом, помедлив, кивнула.

— Скажите, правильно ли я осведомлен: на прошлой неделе, пятнадцатого числа, вам исполнилось тридцать лет?

Саша напряглась. Откуда и почему адвокат в Тайбэе знает дату ее рождения? Она уже почти двенадцать лет не живет здесь, в Тайване.

— Все так, — решив пока повременить с вопросами, отозвалась она.

— Вас же не затруднит подтвердить этот факт документально? — вкрадчиво поинтересовался адвокат.

Девушка, все больше и больше настораживаясь, показала ему паспорт, отчего-то и сама недоверчиво взглянув на дату. Ей до сих пор не верилось, что тридцатилетний рубеж перейден. Казалось, недавно она совсем еще девчонкой уезжала — убежала! — из Тайбэя в Сан-Франциско. Но время пролетело, некоторые мечты сбылись, другие... другие — нет.

Господин Мин Са, лично удостоверившись в ее правдивости, вдруг глубоко поклонился и обеими руками подвинул к наследнице небольшой ларец.

— По завещанию госпожи Сян Тьян Ню, — тихо произнес он, — нам предписано вручить вам эту шкатулку сразу же после того, как минует тридцатый день вашего рождения.

Саша не помнила, как добралась домой, не помнила возгласов матери и сдержанного отцовского приветствия — ей казалось, что мир вокруг вдруг изменился, превратился в зыбкий туман. Оставшись одна в своей старой комнате-студии, она подошла к балетному станку. Танцы всегда помогали ей обуздать собственный характер.

Едва рука ее коснулась поручня, девушка закрыла глаза, застыла, расслабила плечи и спину. Вдох, другой, третий, молчание, плавно перетекающее в движение, — и она расслабилась, позволив себе секундную передышку.

Ей нужно было обрести внутреннее спокойствие, стать деревом, что гнется под порывами ветра, не ломаясь, стать небом, что смотрится в зеркало океана. Потому что всего несколько часов назад ее привычная, размеренная жизнь вдруг превратилась в бурную реку и неумолимо повлекла свою хозяйку вперед, в неизвестность.

Движение запястьем — едва заметное, мягкое. Наклон. Вдох. Саша повернула голову и, охнув, сбилась с ритма. На столике у двери посверкивал полированными боками привезенный от господина Мин Са бабушкин дар — ларец из персикового дерева. Наследство, которое нашло свою новую владелицу спустя почти десять лет. Девушка прижала ладонь к глазам.

Большая золотая шпилька *бу-яо* с нефритовыми подвесками, серая терракотовая рыбка и толстая, от корки до корки исписанная тетрадь — вот что хранилось в заветной шкатулке.

ке. Прощальная весточка от женщины, которая вырастила ее, дала сил и упорства последовать за своей мечтой. Александра сжала губы.

Разговор с адвокатом стал кинжалом, который рассек ее жизнь напополам, отделил прошлое от будущего, она знала это. Она чувствовала. И не ошиблась.

Потому что бабушка завещала ей куда больше, чем счет в банке или недвижимость, — она доверила ей свою жизнь: слова, написанные кириллицей на пожелтевших от времени страницах, годы, полные любви и борьбы. Саша поняла это сразу же, открыв дневник и увидев первые строки. Бабушка будто протянула к ней руку издалека, из темноты, заговорила со своей младшей внучкой строго и в то же время ласково.

«Иногда я думаю, почему все вообще случилось так, а не иначе? И что стало бы с нами, если бы... Если бы мы не оказались в Шанхае? — Вот что писала Тьян Ню. — Если бы не умер папа? Если бы у меня не было сестры? Если бы в России не случилось большевистского переворота? Что есть первопричина всему? И был ли вообще тот миг, когда колесо времени могло остановиться?»

Ее внучка тряхнула головой, снова положила руку на балетный станок и изо всех сил стиснула пальцами прохладный гладкий поручень. Себе она могла признаться в том, что боится — нет, не опасных откровений или запретных секретов, но самой судьбы. С суеверным ужасом девушка вдруг подумала: что, если вся жизнь ее была лишь подготовкой к этому дню? Сюжеты старинных преданий про переселение душ, предназначения, проклятия вдруг показались ей не такими уж сказочными и забавными.

И эта шкатулка, которая, словно русская игрушка матрешка, скрывала в себе куда больше, чем казалось с первого взгляда. Саша нахмурилась. Можно было бы, конечно, закрыть ларец, отложить потрепанную тетрадь в сторону, не читать, сбегать. Но...

Бабушка родилась в России, и все же никого, кроме нее, дорогой Alexandrine, в их семье не заставили учить певучий северный язык. У Сян Тьян Ню было много внуков — род их насчитывал почти полсотни человек — но только ей, младшей, она вдобавок к китайскому дала и русское имя, а потом и

вовсе забрала «маленькую Alexandrine» к себе на воспитание. И традициям старая госпожа никогда не противилась... кроме того единственного случая, когда Саша не пожелала выходить замуж по отцовскому приказу. Тогда-то бабушка и показала свой характер, запретила неволить. Спасла.

Нет. Девушка не могла не прочитать дневника. Это было бы предательством, даже хуже — отречением. Если бабушка Татьяна хотела, чтобы она, ее внучка, знала, то так тому и быть.

Вздыхнув, Александра Джи опустила голову и постояла так несколько секунд. Сейчас, когда решение было принято, на нее снизошло то самое успокоение, которого она так отчаянно искала в танце. «Проведи меня своей дорогой, бабушка, — мысленно попросила она, вспоминая властное морщинистое лицо, сдержанную улыбку, теплые руки. — Чтобы ни ждало меня на пути, я пойду до конца».

И, вскинув голову, девушка решительно пересекла комнату, открыла ларец и взяла в руки заветный дневник.

«Или же все, что происходит с людьми и государствами, предопределено заранее, а потому история и не знает никакого сослагательного наклонения? — словно наяву донесся до нее размеренный бабушкин голос, и Саша улыбнулась. — Скорее всего, верно последнее, и нет нужды терзаться этими вопросами, ибо человек всего лишь предполагает, а Господь всегда располагает.

Мы не властны над такими страшными вещами, как революция или война. Но мы властны над собственной волей и выбором. Поэтому я часто спрашиваю себя: могли ли мы быть другими — более осторожными, более прозорливыми? И сама себе отвечаю — нет и еще раз нет! Мы с Люсей были в отчаянии, и мы были отчаянными.

А как же иначе, если весь мир рухнет прямо на твоих глазах, гибнет стремительно и неотвратимо, а главное — навсегда. Наш привычный мир разваливался, погибал в крови и страшных корчах, и тогда, в восемнадцатом, мне мнилось, что еще чуть-чуть — и стены домов начнут крошиться, а куски кирпича — отваливаться и улетать в пространство. Чудилось, что еще немного — и рассыплются в прах сфинксы на Университетской набережной, и расколется Александрийский столп,

и высохнут невиские воды, обнажив речное дно. А потом умер папа, и беспросветная тьма сомкнулась надо мной.

И тогда в мою жизнь явилась Люся. Она была еще более отчаянная, чем любой из всех, кого я в то время знала. До сих пор помню, как она молча сгребала в саквояж папины китайские находки, мешая в одну кучу древние артефакты и дешевые сувениры, распихивала по карманам пальто все, что имело хоть малейший шанс быть проданным, и как, чертыхаясь, зашвырнула в канал ключ от нашей петроградской квартиры.

Да, мы были отчаянными. И когда сошли на китайский берег в двадцать втором, мы уже ничего и никого не боялись. Мы так думали тогда. Мы же не знали, что Шанхай, как и Москва, не верит слезам, не слышит мольбы и не ценит клятвы. Именно оно, это страшное отчаяние, сделало нас такими, именно оно подтолкнуло нас рискнуть, как говорила Люся, в самый последний раз. И мы рискнули.

В тот вечер я ждала, когда вернется сестра, и в последний раз держала в ладонях терракотовых рыбок. Все, что осталось нам на память от папы. Они были теплые, такие приятные на ощупь, и с ними не хотелось расставаться. Даже за два билета в Сан-Франциско.

И тут на лестнице раздались торопливые шаги...»

Китайская республика, Шанхай, 1923 г.

Татьяна

На лестнице раздались торопливые шаги, потом дверь распахнулась, и... При виде сестры Татьяна ахнула, едва не уронив глиняных рыбок на пол.

— Боже мой! Что это на тебе?

Ответный взгляд Людмилы был более чем красноречив. Мол, а сама-то во что вырядилась? Что поделывать, если перешить китайское ципао¹ на европейскую фигуру без примерки нет никакой возможности? Однако шелковое узкое платье всяко лучше Люсиного наряда, состоящего из одних только блесток, перьев, лоскутков шелка и песцовых хвостов. Даже уличная девка постыдилась бы такое на себя нацепить, ей-богу. Губная помада по щекам и подбородку размазалась, тушь растеклась, волосы дыбом стоят. Какой стыд!

¹ Или чеонгсам («длинное платье») — традиционное китайское платье, чья форма была осовременена в двадцатых годах двадцатого века в Шанхае.

— Ты в таком виде по улице шла?! — успела воскликнуть девушка, прежде чем сестра решительно закрыла ей рот ладонью.

— Тихо, — сказала она, угрожая вытаращив глаза. — Только не ори, Христа ради. Паспорта, деньги бери — и ходу. Понимаешь?

Сестрица обладала силой недюжинной. Из ее захвата так просто не вырвешься.

— Танечка, миленькая, поверь, все очень плохо, — пояснила она, перейдя на свистящий шепот. — Нам ноги надо уносить.

— Почему?

— Сейчас нас придут убивать.

И Татьяна сразу поверила. Люсе надо верить, Люся чувствует опасность, как зверь лесной чует, где скрытно тлеет торфяник. Уж сколько раз это звериное чутье сберегало им жизни. Бессчетно!

— Все из-за статуэток? — догадалась Таня, чувствуя, как дрожат и слабеют ноги в коленях.

— Угу, — деловито кивнула Людмила. — Поторопись, душенька. Умоляю!

Больше всего Тане сейчас хотелось заломить руки и по-старушечьи запричитать, проклиная тот день и час, когда она поддалась на уговоры и согласилась продать папино наследство. Не по-людски это было, видит бог.

Но ничего такого Татьяна Орловская делать не стала. Напротив, четко и без истерики, тем паче упреков, поступила так, как просила сестра, — достала из-под матраса нансеновские¹ паспорта и тощую пачку ассигнаций. Люся тоже не сидела без дела. Она наскоро увязывала в скатерть все самое необходимое — несколько платьев, нижнее белье, мыло, свечи. Как будто их это спасет.

На все про все ушло самое большее минут пять. Сестры знали толк в побегах, когда нельзя терять ни секунды на всякие там сожаления или раздумья. Жив остается лишь тот, кто бежит быстрее и не оглядывается назад.

— Одну рыбку тебе, другую — мне. — Люся, не дожидаясь ответа, поделила единственную их драгоценность поровну, сунув свою часть в лифчик, а потом схватила Таню за руку и поволокла за собой.

— Да ты хоть по-человечески скажи, что случилось? —

¹ Нансеновский паспорт — документ, выдававшийся Лигой Наций беженцам из России.

взмолилась та, вываливаясь следом во влажную шанхайскую ночь.

— Ушастый Ду с нами случился, — буркнула сестра. — Пронюхал о нашем договоре с Хе Юнжуном, скотина хитрая. Антиквару нашему, к слову, ребята из Зеленого Братства второй рот на шею сделали.

Плакать от ужаса Татьяна разучилась еще в восемнадцатом, сдержалась и сейчас. В конце концов, танцевальный холл, куда Люся устроилась работать дансинг-герл, принадлежал Ушастому Ду — правой руке главаря. Да что уж там говорить, он весь Шанхай в страхе держал. Ему первый встречный китаец тут же донесет про двух белых девиц: одну — в клоунских мехах, вторую — в черном ципао, да еще с драконами. Явно же ворованное.

— Живы будем, поставлю за Линьюй свечку, — продолжала Людмила, не сбавляя шага. — Шепнула мне словечко, предупредила.

К слову, по-китайски Люся болтала запросто, не заморачиваясь на всякую там грамматику. И сколько Таня ни пыталась научить ее разбираться в иероглифах, та только отмахивалась. «Нам в Сан-Франциско китайский этот и даром не нужен будет», — твердила она.

Ах Сан-Франциско! Их общая, нежно лелеемая, хрустальная мечта, их Авалон и Град Обетованный. Вся затея с продажей рыбок была лишь ради двух билетов через океан. А теперь что делать?

Татьяна сама не заметила, как задала этот вопрос вслух.

— Лодку украдем, переплывем на другую сторону, выберемся из города. — Люся так далеко в будущее не заглядывала, перечисляя только самые ближайшие и относительно достижимые цели.

— А потом?

— Поживем — увидим.

Люси

Лодка, лодка... Казалось бы, добыть в Шанхае лодку — плевое дело. Полгорода живет рекой, а другая половина живет за счет тех, кто промышляет на реке. И лодок здесь как китайцев — видимо-невидимо. Но добыть лодку посреди ночи, когда за тобой гонятся бойцы Ушастого Ду, значит, ее

украсть, и только так. Все лодочники повязаны с Зеленым Братством, проклятые китайцы вообще друг за дружку горой, и уж если навалятся всей гурьбой, тут от двух белых девок не останется даже мокрого места. Уж в чем-чем, а в таких делах Люся толк знала. Китайцы хоть и мелкие, но лютые, черти. Даже стрелять не станут, просто палками забьют.

«Не девка, — вспомнила она матушкины слова. — Ты не девка, Люся, ты — барышня».

Но мамане батины выкрутасы голову заморочили. Воображала себя не пойми кем, из грязи в князи, как говорится. Люся на вещи смотрела трезво. Если ты кухарка, так кухаркой и будь, а рядиться в, прости господи, этуаль¹ кафешантанную, да в маманином-то возрасте, да с ее-то габаритами... Смех и грех.

Девушка зло всхлипнула на бегу. Хорошо, что маменька не дожила. И вдвойне хорошо, что и Лизавету Степановну, Таниюнину мамашу, тоже Бог прибрал раньше, чем все к чертям покатилося. Одна и радость, что обе они, отцова жена и полюбовница, не видят, как их дочери по Шанхаю улепетывают от своры узкоглазых.

Люся покрепче сжала ладошку сестры и безошибочно, как лисица, ведомая чутьем, свернула в замызганный проулок между вонючими фанзами². Сквозь густой, специфически шанхайский смрад — гниющие овощи, рыбы потроха, прогорклое масло, гарь и копоть, сладковатый опиумный душок, тяжелый дух от немытой и вроде как разлагающейся плоти — пробился запах илистой сырости. Река была совсем рядом, но попробуй добраться до нее, не заплутав навсегда в темном лабиринте среди мусорных куч, каких-то досок, тряпок и сетей.

Но инстинкт (а может, привычка, ввевшаяся в кровь и плоть, это непостижимое чутье, заставляющее то ускорять шаги, бежать на пределе сил, то, наоборот, замереть, вжавшись в осклизлую стену, и не дышать, это вот седьмое чувство привычного беглеца) не позволял ей ошибиться.

Нет, она не барышня, она — девка. Хитрая, изворотливая, прожженная. Девка, которой сам черт не брат. Только девка может вертеться в мутной воде шанхайского дна, как слепая и скользкая рыбина — в жирном иле. Только девка пройдет по

¹ Певичка, кокотка, дама полусвета.

² Фанза — традиционный китайский дом.

самому краешку горящей крыши и паленой кошкой метнется в спасительную темноту. Там, где сгинет барышня, у девки есть шанс выжить. Пусть один, но он есть. Так что придется снова и по-прежнему быть девкой, кухаркиной дочкой, изворотливой стервой, чтобы дожить до тех пор, пока...

А барышней пусть остается Танюха. Должна же хоть одна из дочерей профессора Орловского сохранить... Что? А черт его знает! Что-то. То, что было и в отце, и в женушке его. Что-то, что даже в шанхайской помойке светит ровным небесным светом, как лампадка в ночи...

— Танюш, ты как? — тревожно спросила она, заметив, как сестра в изнеможении прижалась к стене. — Потерпи, душе-нька, чутка осталось, тут до реки — рукой подать. Ты рта-то не открывай, носом дыши да кивай, забыла уже, что ли?

Таня через силу улыбнулась и кивнула. Нет, она не забыла. Не смогла забыть, как правильно убегать, как лучше прятаться, когда дышать, а когда не дышать.

«Однажды забудешь, — зло подумала Люся. — Забудешь, как убегать и прятаться. И вспомнишь, как жить без оглядки, как засыпать, не боясь не проснуться. Обещаю!»

Между домишками блеснула вода. Запах рыбы, ила и плесени перебил даже неистребимый смрад шанхайских мусорных куч. Плескались волны о причал, раскачивали утлые суденьшки, что-то позвякивало и поскрипывало. Но это было запахами и звуками надежды и жизни. Добрались!

Татьяна

На первый взгляд казалось, что они все-таки оторвались от погони и можно уже остановиться и чуть-чуть перевести дух. Но так только казалось. Кто хоть раз спасался бегством, кому хотя бы единожды в затылок дышали убийцы, тот ни за что не забудет и не перепутает мерзкий зябкий холодок, без остановки стекающий за шиворот беззащитному беглецу. Этому жуткому ощущению надо верить сразу и безоговорочно. И бежать еще пуще.

Тогда, в девятнадцатом, в Томске, они с Люсей спаслись только потому, что не останавливались. По снегу, в одних чулках, без надежды на избавление, но без остановки. Впрочем, у Люси был пистолет, и она поклялась, что прежде чем пустит себе пулю в рот, застрелит сестру. Но тогда это все же

была Россия, и две девушки имели реальный шанс затеряться среди множества других русских женщин. А тут, в Китае, они как белые вороны. Мать Божья, спаси и сохрани!

С размаху швырнув узел с пожитками на дно лодки, Людмила крикнула:

— Не бойся, сампаны устойчивые. Не перевернется. Прыгай!

И правда, плоскодонка лишь несильно качнулась, когда сестры в нее скакнули. Но пришлось еще повозиться, чтобы оттолкнуться от причала. Всего какая-то пара-тройка минут ушла, но то были поистине золотые мгновения, решившие судьбу девушек.

— Быстрее, быстрее, — шептала Татьяна, пытаясь помочь Люсе управиться с длинными кормовыми веслами. Получалось так себе, сампан крутило в разные стороны, а потому берег отдалялся крайне медленно. Казалось, что лодка и вовсе не движется вперед. Над Хуанпу стелился туман, и девушкам надо было всего лишь успеть всплыть в мерцающее спасительное облако. А там уже как бог даст.

И тут Таня отчетливо услышала негромкий топот множества ног, обутых в легкие тапочки. Бойцы из Зеленой банды если и отстали от беглянок, то совсем ненадолго. Они, словно муравьи, один за другим устремились к причалу.

— Ложись на дно, — приказала Люся и изо всех сил налегла на весла. Откуда только силы брались?

«А ты?» — хотела спросить Татьяна, но с берега раздался выстрел. Затем второй, а потом и третий.

— Вот ведь черти!

Люся быстро присела на дно и сжалась в комочек. Не от испуга, нет. Еще чего не хватало! Стреляли ведь не прицельно, а чтобы напугать. Убьют-то их потом, когда отберут статуетки.

— Эй, ты рыбку свою не потеряла? — строго спросила она сестру.

Ну конечно! В такой момент ее волновала только сохранность драгоценных фигурок.

— Да какая разница?

— Большая! Не дури, проверь, как там рыбка.

— Свою проверяй, — огрызнулась Таня, но требуемое исполнила. — Вот, рядом с нательным крестом повесила. Гляди!

Людмила, убедившись, что сампан плавно, но целенаправ-

ленно несет прямо в гущу тумана, тоже бойко сунула себе руку за пазуху, доставая свою половину отцовского наследства. В этот момент бандиты, уже попрыгавшие в другие лодки, снова принялись стрелять. Одна пуля выбила длинную щепку из борта, а та, в свою очередь, пребольно оцарапала руку Люси. Сестры хором вскрикнули, брызнула кровь, рыбки соединились и...

Люси

Рыбки соединились, шевельнув хвостами, словно внезапно ожили, накрепко сплетаясь, сцепляясь еще крепче, чем руки девушек, — нипочем не разомкнешь. Не оторвешь. Тяжелый горячий толчок, словно у того странного, непонятного, что только что было глиняными фигурками, вдруг забило сердце. Люся не могла разжать руку, чтобы посмотреть, но каждым миллиметром кожи ощущала — оно живое. Оно горячее, круглое и живое, оно обжигает ладонь, оно бьется, словно настоящие рыбы, стиснутые неловкими руками...

— Только... не... выпускай! — задыхаясь, просипела она.

— Держись! — вскрикнула сестра.

И лишь теперь Люся заметила, как опасно раскачивается, стонет и кренится их сампан, внезапно заплясав на воде, еще мгновение назад бывшей спокойной. А из сцепленных ладоней рвется наружу свет, горячий и яркий, и там, где он встречается с водой и туманом, начинает твориться что-то невероятное.

Теплые золотые искры рассыпались бусинами по черному шелку, сплелись, заструились, будто невидимая игла засновала по невесомой ткани. Быстрее, еще быстрее. Узоры множились, усложнялись — то ли рыбы резвились в речной глубине, то ли золотые драконы или чудо-птицы, взлетев с подола Таиноного ципао, закружились в танце, то приныкая к волнам, то взмывая вверх.

Девушки беззвучно кричали, словно вдруг напрочь лишились голоса. Тому, что творилось во влажной шанхайской ночи, не было имени... по крайней мере, в русском языке не нашлось бы слов, чтобы описать это. Может, китайцы сумели бы.

Оттуда, с берега и с лодок, едва слышно доносились изумленные и испуганные вопли преследователей. Значит, они тоже это видят? Значит, это не шутки сознания, помраченно-

го бегством, не какие-то опиумные флюиды, долетевшие из ближайших курилен, не бред... Или все-таки?

Золотые бусы зазвенели, закручиваясь спиралью — все плотнее и плотнее, словно кто-то невидимый наматывал нить на веретено. Сампан кружился волчком, скрипел и трещал, девушки вцепились друг в друга что было сил, и тут сквозь мельтешение огненных бабочек Люсе почудился взгляд. Не-человечески спокойный. Не равнодушный — нет, безмятежный, как улыбка каменного божка. Вечный покой, льющийся из-под полусомкнутых век, отрешенность существа, слишком совершенного для суетного и грязного человеческого мирка, полного крови и грязи, словно поганое ведро, — до краев... Она прищурилась, пытаясь различить это отрешенно-самодовольное существо, невидимую пряжу, которой и дела нет до двух перепуганных мошек. Золотые глаза смотрели, отражаясь в воде, — равнодушные и выпуклые, как у рыбы.

— Да чтоб тебя! — крикнула Люся, словно плюнув живой человеческой злостью в этот рыбий взгляд.

Рядом скрипнула зубами сестра. Жить! Да, они хотели жить — они обе! И если уж сдохнуть, то не здесь, не сейчас, не так! Пройти столько дорог, замерзнуть, голодать, воровать, сгорать в тифозной горячке, пережить и резню, и бегство, и выстрелы в спину только для того, чтобы теперь утопнуть посреди поганой китайской речушки на глазах у паршивых китайцев и их мерзкого божка или кто он там есть, этот рыбоглазый?

— Не дождешься!

— ...О Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их, яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их, яко прах перед лицом ветра...¹ — едва слышно, но истово шептала Татьяна.

— И ты, Царица Небесная, уж защити нас, грешных... — всхлипнула Людмила, которая и «Отче наш» толком-то не помнила.

И чужой рыбий взгляд вдруг потух, словно равнодушное существо не отвернулось, но сморгнуло. А на смену ему пришло что-то иное, что-то чуть сердитое, слегка раздраженное, какое-то присутствие. И почему-то показалось, что рядом — женщина. Вот, оторванная этими мольбами и воплями от не-

¹ Часть православной молитвы Михаилу Архангелу (защита от врагов).

понятных, но крайне важных дел, она отложила веретено и взглянула, прищурясь, то ли с небес, то ли из воды...

Люся мотнула головой, сквозь злые слезы пытаясь различить... И взвизгнула, оглушая сестру и сама замирая от ее ответного крика.

Молния, ветвясь, выросла прямо из реки чудовищным сияющим деревом, вплелась в пляску и звон золотых бус, в танец золотых драконов, в кудахтанье золоченых фениксов. И, заворачиваясь гигантской воронкой, подняла сампан вместе с охрипшими от крика девушками, подняла, закружила и с размаху бросила вниз, вверх, снова вниз, быстрее и быстрее, кленовым семечком во власти смерча...

И схлопнулась, закрылась, словно и не было никакой воронки, никакого смерча, никаких драконов и бус.

И никакого сампана на внезапно замершей, безмятежной Хуанпу.

А над головой Люси сомкнулась непроглядно-черная вода.

Но прежде чем оглушенное сознание померкло, девушке послышалось призрачное: «Подожду и увижу...» — как прощальное напутствие.

Люся развела руки, из последних сил делая гребок, дрыгнула ногами — и устремилась к воздуху и жизни.

Таня

После ослепительного сияния на Таню вдруг обрушилась абсолютная, крошечная тьма, словно тот неземной свет наконец выжег глазные яблоки. В раскрытый рот хлынула речная вода, а шелк платья моментально облепил ноги и потянул на дно. Таня отчаянно задергалась, точно сама стала рыбой, забилась и принялась бешено грести руками. Кто знает, что ждало их с Люсей на поверхности, может быть, бандиты из Зеленой банды во главе с Ушастым Ду, но совсем молодым еще человеческим существам нестерпимо хотелось жить. Каждая частичка Таниного юного тела отчаянно противилась даже мысли о смерти. Жить! Дышать! Ну! Еще чуть-чуть! Легкие пылали, все тело скручивали спазмы, и до поверхности воды осталось совсем немного. Последнее усилие, последний рывок дались тяжело, зато...

Боже! Как же хорошо! Татьяна судорожно глотнула воз-

дух, закашлялась и первым делом, не успев как следует осмотреться, заорала:

— Люся! Люсенька!

С ней ничего не должно случиться! Нет! Сестра умела плавать по-настоящему, тогда как Таня всего лишь кое-как научилась держаться на воде.

И точно в ответ на беззвучную мольбу Люся вынырнула совсем рядом — живая, невредимая и довольная.

— Гляди! Не потеряла! — хрипло каркнула она, демонстрируя мокрый кулак с намертво зажатой в нем рыбкой.

— Сестричка моя...

Какое же это было облегчение — снова увидеть ее милое лицо и сияющие глаза, а потом уже осознать до конца, что они снова выжили. Девушки, жалобно всхлипывая, крепко обнялись, не забыв по детской привычке потереться носами.

— Темень-то какая, — прошептала Людмила. — Мы ж, поди, на самой середине реки.

— А бандитов не слышно.

— Странно это.

Тишина, совершенно не свойственная Шанхаю ни днем, ни ночью, шатром раскинулась над черной, пахнущей тиной водой. Ни тебе плеска весел, не чирикающих голосов китайцев, ни тем более выстрелов.

— Они испугались этого светопреставления, а потом в тумане нас и потеряли, — предположила Татьяна.

Люся тоже внимательно прислушалась, а затем еще и отплыла чуть в сторонку, пытаясь высмотреть хоть что-то в непроглядной темени южной ночи. Все без толку. И вода какая-то подозрительно чистая.

— Ну что делать... За меня держись, и поплывем потихонечку к берегу.

Таня немедленно ухватилась за бретельку этого позорного платья.

— Ой, а что это у тебя?

— Ридикюль твой с документами, — хмыкнула Люся. — Рыбки и паспорта — сейчас самое важное. Их надо сберечь.

— Вот ведь! — потрясенно задохнулась Татьяна, в очередной раз дивясь сестриной живучести и хватке. Впрочем, помня, через что им обоим пришлось пройти, чтобы получить нансеновский паспорт, ничего странного. Люся и в огонь бы за этой бумажкой нырнула.

— Тряпки все равно потонули, но это ничего... не страшно. Платья — дело наживное. Ну, поплыли? — И она засунула свою рыбку в рот, за щеку. — Помолши, жожалужта, ага?

Грести Людмиле пришлось совсем недолго, что опять же было удивительно. Вдруг обнаружился берег, густо заросший каким-то местным камышом. Обессилевшие и дрожащие сестры буквально ползком вскарабкались на склон. Минуть десять они просто лежали в траве, приходя в себя. В этот момент им было уже все равно — есть рядом ребятки Ушастого Ду или нет. Лишь бы дух перевести.

Первой закономерно ожила Люся.

— Ш-тьфу! — Она выплюнула рыбку на ладонь. — И куда же это нас занесло, а? Хотела бы я знать.

«Когда происходит что-то экстраординарное, принято говорить: «Никогда в жизни не забуду». Потом, конечно, все забывается, теряет остроту и важность, тускнеет. Но я так и не сумела забыть ту, самую первую бессонную ночь, когда мы с Люсей жались друг к другу, дожидаясь рассвета. Мне до сих пор иногда снятся те предутренние сумерки и резкие голоса приближающихся к нам мужчин. Они идут прямо к нам, неутомимо сокращая расстояние между нашим неведением и жуткой истиной. И тогда я просыпаюсь — в холодном поту, с колотящимся о ребра, обезумевшим от ужасного предчувствия сердцем».

(Из дневника Тьян Ню)

Глава 2 **НИ СПРЯТАТЬСЯ, НИ СКРЫТЬСЯ**

«Оставаться самим собой... Кажется, это так просто. Может быть. Особенно во времена благоденствия и мира так легко быть яркой индивидуальностью, всегда и везде оставаться собой. Но сколько же на земле слабых, испуганных и беззащитных, у которых нет иного выхода, кроме как склониться под гнетом несчастий и менять чужие личины как перчатки, чтобы уцелеть, чтобы устоять и выжить. Но я верю, что никто не осудил бы нас ни тогда, ни сейчас...»

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Саша

От чтения Александру отвлек легкий стук в дверь. Девушка начала было торопливо прятать заветную тетрадь под подушку, а потом, сообразив, что делает, расхохоталась: взрослая уже, а все туда же!

— Я вхожу, — раздался тихий голос матушки, а через мгновение и она сама легко шагнула в студию: величественная и, как и всегда, безмятежная.

Саша впервые за день пригляделась к ней и почувствовала, как теплеет на сердце, — время пощадило ее родительницу. Волосы мамы, темные и блестящие, были скручены в искусный узел на затылке, а светлое домашнее платье ладно сидело на фигуре, с возрастом не потерявшей своей стройности. Впрочем, кажущаяся мягкость в манерах и поведении была обманчивой — девушка прекрасно знала, что в этом тихом омуте тоже водятся черти. Вот и сейчас по лицу матери барышня Сян поняла — семейного допроса блудной дочери явно не избежать.

— Добро пожаловать домой. Ты вернулась так неожиданно, *Джи-эр*¹, и мы все некоторым образом обеспокоены, — подтвердила ее опасения мама, не сводя с дочки настороженного взгляда. — Не случилось ли чего-нибудь... недостойного?

Девушка невольно бросила взгляд на шкатулку. Почему-то она никому — даже родителям! — не хотела рассказывать о ее содержимом. Саша удивилась, внезапно сообразив, как похожи испытываемые ею чувства на ревность: мое! никому не отдам! никому не покажу!

— Все непонятно, — честно ответила она маме, не желая ни врать, ни говорить правду. — Но я здорова.

Матушка поджала губы, но расспрашивать дальше не стала.

— Каждому разговору — свое время, — согласилась она, отступая — дочь знала это — только для того, чтобы потом вновь вернуться к этой весьма деликатной теме. — Спустишься ли ты к обеду?

Искушение отказаться и продолжить чтение бабушкиного

¹ Суффикс *-эр* образует «детский», уменьшительный вариант имени. В китайском языке фамилия ставится перед именем.

дневника было велико, но девушка ему не поддалась. Она и так нарушила семейное спокойствие — явилась и обрушилась на головы своих родителей внезапно и без предупреждения, как грозовой летний ливень. Не стоило огорчать их еще больше.

Сян Александра Джи поднялась, бросила быстрый взгляд в зеркало — оттуда на нее смотрели глаза, в которых не было ни уверенности, ни покоя, — и последовала за матушкой. Ее ждало очередное испытание: за большой стол в доме своего детства она не садилась уже больше десяти лет.

«Вот так, — подумала она, спускаясь со второго этажа в столовую, — из Сан-Франциско — в Тайбэй. Из нового мира — в старый».

Тишина — вот что подавали сегодня за родительским столом. В напряженном молчании Сян Джи положила в рот кусочек жареного кальмара и, надеясь, что он не встанет у нее поперек горла, проглотила угощение.

Матушка, излучая спокойную уверенность, подвинула блюдо с фруктами. Как ей удавалось сохранять невозмутимость, когда напряжение в обеденном зале было таким густым, что перехватывало дыхание, девушка не знала.

— Кхм, — наконец откашлялся отец.

Саша едва не поперхнулась от неожиданности — и сразу разозлилась на себя. Ей уже не пятнадцать лет, чтобы каждый раз дергаться при звуке отцовского голоса, ожидая наказания. Это раньше власть хозяина дома казалась ей необъятной, бесконечной, словно зеленые рисовые поля под солнцем, как гора Юйшань, окутанная грозowymi тучами. Теперь она выросла, сама — кирпичик за кирпичиком — выстроила свою жизнь так, как хотела: Сан-Франциско, балет... Ли. Девушка вдруг почувствовала, что ей хочется опустить глаза, — мысли о женихе вызвали внутренний протест и непонятные, мучительные сомнения.

Александра огляделась, пытаясь отвлечься. Взгляд невольно зацепился за все то новое, что появилось в доме за время ее отсутствия: цветастое покрывало на широком диване, низкий журнальный столик на толстых резных ножках, фарфоровую статуэтку улыбчивого божка. Незнакомые вещи, которые доказывали, что даже здесь, в Тайбэе, время не стояло на месте. Возможно, родители ее тоже смягчились — хотя бы немного, девушке было бы довольно и малости.

Наконец, после продолжительного молчания, отец положил свои палочки на маленькую полированную подставку и поджал губы.

— Рада видеть вас, папа, — выдавила Саша, выпрямившись.

— Зачем ты приехала, Сян Джи? — как и всегда, не желая использовать в разговоре русское имя дочери, нахмурился он. — Не ты ли говорила на похоронах твоей бабушки, что не собираешься больше возвращаться в Тайбэй?

«Горькие слова — лекарство, сладкие слова — отравы», — напомнила себе девушка и скривила губы в улыбке. Уезжая от родителей, она решила, что по-настоящему сумеет оставить Тайвань позади, только если откажется от прежней своей жизни со всеми ее правилами, условностями, поклонами и традициями. Новый мир требовал нового имени, и Сян Александра Джи превратилась в Сашу Сян — словно отсекала Восток от Запада, прошлое от будущего. Это была дань бабушке, русской по происхождению и воспитанию, и укор отцу с его вечным «ты должна».

Но теперь, вновь оказавшись в доме своего детства, Саша поняла — точнее, ее заставили понять, — что на самом деле ничего не изменилось и она по-прежнему балансирует на стыке двух миров.

— Теперь я предпочитаю, чтобы меня звали русским именем, — сообщила мисс Сян, не глядя на родителей. — И еще... У меня есть новости.

Девушка уже твердо решила, что про бабушкин ларец рассказывать им не будет. По крайней мере, пока сама во всем не разберется, не прочтает таинственное послание до конца. В конце концов, Тьян Нью только ей оставила свой дневник, верно? Но в этом случае, решительно подумала Саша, лишь одна весть способна заинтересовать ее семью.

Она набрала в легкие воздуха, собираясь с духом, и подняла руку. Кольцо Ли сверкнуло на пальце, будто насмехаясь над своей владелицей.

— О, — только и сказала матушка. — Джи-эр, девочка моя.

Девушка посмотрела на отца. Лицо его напоминало вырезанную из черного дерева маску — вокруг рта залегли глубокие складки, брови нахмурены, глаза прищурены.

— Ты не выйдешь замуж за американца, — наконец сказал он и отодвинул от себя тарелку так, будто перед ним стоял не

рис со специями, а миска, полная червей. — Ты должна стать женой...

— Того, кого я выбрала, верно? — закипая, возмутилась де-вушка. — Его зовут Ли, и он...

— Того, кто тебе подходит! — сдержанно рявкнул хозяин дома. — Молодого человека из приличной семьи, а не выскочки, забывшего свои корни! Я запрещаю тебе вступать в брак с мужчиной, которого ты настолько не уважаешь, что даже не познакомила его с нами до свадебного сговора! Я не дам своего разрешения.

Александра отодвинула в сторону стул и резко поднялась.

— Мне оно и не нужно, — кошкой, которую погладили против шерсти, прошипела она. — Иногда я думаю, что у меня нет семьи, — не стало семьи после того, как умерла бабушка!

— Дочь! — с нотками недовольства в голосе укорила ее матушка.

— Я выйду замуж за Ли, и ваше одобрение не имеет для меня никакого значения! — чувствуя, как подступают к глазам слезы, заявила Саша. — Так и знайте.

— Ты станешь женой того, кого выберу я, или покинешь эту семью, — со своим извечным непримиримым упрямством процедил отец. — Моя уважаемая мать дала тебе много воли, и сейчас все мы расхлебываем последствия ее снисходительного к тебе отношения!

Саша едва не закричала зубами от ярости. Вот от этого, от такой судьбы и жизни, и сбежала она, едва ей минуло восемнадцать. Сбежала — но, видно, недостаточно далеко.

— Вы как будто не родители мне, — с трудом произнесла она, — а враги.

И, сказав это, внучка покойной Тьян Нью развернулась на каблуках и вылетела из комнаты, не обращая внимания на отцовский окрик. Пробежав по коридору, она распахнула входную дверь и выскочила на улицу, позабыв и о своей сумочке, оставленной в студии, и о дневнике. Ей хотелось только одного — снова уехать из Тайбэя и стать хозяйкой своим решениям и поступкам.

— Невыносимо, — проскрипела она, даже сейчас не решаясь говорить о родителях без должного почтения, и быстрым шагом пошла в сторону городского центра — напрямик на встречу своей судьбе.

Поначалу она просто летела вперед, не разбирая дороги, но потом, отдышавшись, поняла, что, сама того не сознавая, пошла по направлению к храму Луншань. Когда Саша была еще ребенком, они с бабушкой часто гуляли там, любуясь узорчатыми скалящимися драконами на пагодах. Память, словно насмехаясь над своей хозяйкой, коварно подкидывала ей непрошенные воспоминания: вот здесь Тьян Ню купила ей томаты в карамели, нанизанные на тонкую палочку, а вот тут, у этой тумбы, они с ней сидели после того, как девочка, тогда еще совсем малышка, упала и ободрала коленку. В тот раз Тьян Ню, тихо улыбаясь, присела на корточки и сказала внучке очень нежно, переплетая русские слова с французскими:

— Сейчас подуем на ссадину — и все пройдет, да, *ma petite soeur*? Ну не плачь, не плачь, лисичка.

Александра сглотнула и совсем не удивилась, почувствовав, как потекли по щекам непрошенные слезы. Не глядя по сторонам и почти ни о чем не думая, она поспешила к перекрестку и вдруг резко остановилась. Небо над Тайбэем, обычно ярко-синее, пронзительное, внезапно потускнело и нахмурилось.

Девушка застыла на одном месте, а потом прижала ладонь ко рту. В Сан-Франциско она отвыкла от прихотливой тропической погоды, забыла, что в Тайбэе всегда надо быть настроже: солнечная безмятежность тут быстро и стремительно сменялась бурными, но недолгими ливнями. Вот и сейчас вдалеке мрачно зарокотало, листья на деревьях тревожно зашелестели, трепеща под порывами ветра.

— О нет, — с изумлением и испугом выдохнула беглянка.

И тут пошел дождь. Хлынуло так, будто боги разом опрокинули на Тайбэй огромные кадки с водой. По мостовой заструились ручьи. С веселым звоном капли застучали по лужам, заколотили в стекла офисных зданий, запели, забормотали.

Саша растерянно заморгала. Еще минуту назад она выглядела вполне достойно, и вот в один миг летний ливень превратил ее в... в... пугало! Волосы прилипли к лицу, светлый костюм неприлично облепил тело, повис намокшей тряпкой.

Тихо взвизгнув, девушка прикрыла голову руками и огляделась. Вдоль дороги бесконечным рядом тянулись сверкающие стеклом офисы, но на другой стороне улицы Сян Джи уг-

лядела какое-то кафе. Призывно помигивая рекламной вывеской, оно обещало если не спасение, то хотя бы временную передышку.

Покачиваясь, потому что подошва босоножек вмиг стала скользкой, девушка побежала к спасительному укрытию. Пешеходный переход был пуст. Вытирая ладонями мокрое лицо, стряхивая с рук капли и шипя себе под нос, Саша шагнула на дорогу — и вдруг монотонное перешептывание дождя разорвал резкий скрежет, и что-то темное и, как показалось девушке, огромное стремительно рванулось сквозь дождевую пелену.

Она закричала. И в этот же момент тяжелый, сверкающий хромированными деталями, хищный байк вынырнул из ливневой хмари. С тонким, визжащим звуком колеса его проехали по мокрой мостовой, и железный зверь застыл в двух шагах от оторопевшей девушки, обдав несостоявшуюся жертву дорожного происшествия несколькими литрами грязной воды. Запахло паленой резиной.

Александра попятилась, пытаясь сохранить равновесие, поскользнулась и с тихим проклятием рухнула в лужу.

— Хей! — раздался откуда-то сверху насмешливый голос. — Где ты позабыла свои мозги, а, принцесса? Или жить надоело?

Онемев от ярости, негодования и острого желания убить незваного шутника с особой жестокостью, девушка подняла голову — и застыла.

Империя Цинь, 207 г. до н. э.

Люси

— Хулидзын¹! Хулидзын!

— Что развизжались, поганцы! — сплюнув, Люся попыталась одновременно и сама увернуться от летящего комка глины, и сестру прикрыть. — У-у-у, быдло узкоглазое! Пшли прочь, хамы!

Она крутанулась на месте, как в танце, взмахнув песчовыми хвостами, и зашипела. Галдящие вокруг китайцы, над головами которых колыхался целый лес убийственных на вид орудий навроде вил, граблей и цепов, разом отшатнулись, за-

¹ Х у л и д з ы н (ху дзин, хули дзин) — лиса-оборотень.

лопотали, застрекотали. Люся с тоской огляделась. Они с сестрой стояли по щиколотку в жидкой грязи, мокрые и грязные с головы до пят, а вокруг бесновались аборигены. Проклятые китаезы окружили девушек таким плотным кольцом, что никакой лазейки для бегства не смогла бы отыскать даже настоящая лисица.

— Хулидзын!

Нападать местные пока не рисковали, боялись чего-то — может, в первый раз белых видят? — но закидать двух странных женщин камнями никакой суеверный страх им не мешает, верно? Ишь как стрекочут, подбадривают друг дружку... Злобно клацнув зубами на самого наглого пейзажника, сунувшегося к ним с каким-то коромыслом, Люся истерично фыркнула. Вот тебе и спасись! Если первый же встречный с ходу материт по-своему: «Хули, хули!»

— Люсенька... — вдруг позвала сестра.

И голос у нее был такой странный, что Люся замерла, а потом уставилась на сестру вытаращенными от изумления глазами. В голове у девушки словно что-то щелкнуло, в ушах загудело, зазвенело... а потом сквозь шум, гам и звон прорвались те же самые вопли, вот только...

— Лиса! Лиса! — кричали вокруг, но Люся только головой трясла и все спрашивала сестру:

— Танюша? Ты... ты тоже их понимаешь?

Татьяна кивнула и сдавленно пробормотала:

— Да... теперь понимаю. Люсенька, да что же это? Ты только посмотри...

А посмотреть было на что. Сестры не так уж долго жили в Шанхае, но среди тамошних обитателей Люся повертелась достаточно, чтобы догадаться — с этими крестьянами что-то сильно не так. Достаточно одного взгляда на домотканые одежды с запахом, пучки волос на макушках мужчин, соломенные лапти, чтобы понять — светопреставление забросило девушек очень-очень далеко от Китайской республики. Какие-то местные жители были слишком... хрестоматийные. Словно живьем сошли со страниц папенькиных альманахов и монографий. В тех альманахах Люся предпочитала рассматривать картинки, а в монографиях — вычитывать места про древние битвы, оружие, полководцев и «искусство спальных покоев», но даже ее крайне поверхностных знаний хватило для понимания: китайцы вокруг совсем древние.

— Либо нас так крепко приложило, что мы обе бредим... — вслух подумала Людмила, снова показав зубы типу с коромыслом. — Хотя даже в тифозном бараке у меня такого лютого бреда не было... Да что ж ты лезешь, нехристь, со своим бяньданом!¹ Ша я тебе его знаешь куда засуну?!

Китаец, заверещав, отпрыгнул, и Люся продолжила:

— Либо мы с тобой, как бы это сказать...

— В прошлом, Люсенька, — неестественно спокойно констатировала сестра. — В очень, очень далеком прошлом...

— Я так думаю, удружил нам папенька с этими рыбками. — Люся скрючила пальцы как когти и выразительно помахала перед напиравшими крестьянами. Те опасливо отодвинулись. — А какой хоть век на дворе, Танюша? Ты на пейзаж повнимательней глянь, вдруг да узнаешь чего? Недаром все папенькины труды вызубрила.

— Судя по характерным прическам... — все тем же тоном начала Татьяна, выпрямившись строго, как классная дама, но сестра тут же ее перебила:

— А! Гляди! Кто-то важный пожаловал! Сейчас босоту отгонят, тут все и выясним. Ну хоть что-нибудь...

Сказала, но сама себе не поверила. Вид у приближавшихся незнакомцев, бесцеремонно пинавших кланявшихся и отползавших крестьян, был очень уж недружелюбный. Длинные одежды, доспехи, мечи, о господи, самые настоящие мечи, копья, какие-то боевые трезубцы, луки... Впереди на гнедом коне — мрачный тип в броне и с мечом, сразу видно — офицер, а насчет господ офицеров у Люси иллюзии развеялись задолго до октября семнадцатого года. Это Татьяне — дворянке и барышне благородные господа ручку целовали, щелкали каблуками и отодвигали стульчик, а кухаркину дочку норовили все больше за задницу ущипнуть да прижать где-нибудь за кустами сирени на даче в Териоки... А уж какие разговоры вели, иной гопник с Лиговки постыдился бы! Впрочем, пролетарии классово чуждым элементам по части шупанья баб тоже не уступали. И Танюша знает далеко не обо всех опасностях, которых сестры чудом избежали за время скитаний. Приходилось Люсе и кокетничать, и флиртовать, и задницей крутить, и подпаивать, и забалтывать... а одного матросика так и вовсе

¹ Бяньдан — китайское боевое коромысло.

с поезда столкнуть, пока он, голубчик, братушек не позвал и они всей толпой не навалились...

С китайцами даже в каком-то смысле было проще. Пока ты еще не проститутка, есть шанс выкрутиться.

А вот что взбредет в головы древним китайцам...

«Мы — белые, значит, по их понятиям, — красавицы несказанные, а хулидзын по-ихнему — так и вовсе демоница... Может, и проскочим. Может, и повезет. Если уж мы колчаковской контрразведке мозги запудрить смогли, так и тут прорвемся же, да?» — убеждала себя Люся, но чутье ей упрямо твердило: на этот раз старые методы могут и не сработать. Разница менталитетов потому что.

Она постаралась выпрямиться так же гордо, как и сестра, и, сурово сдвинув брови, мрачно зыркнула вокруг.

Татьяна и Люся

Сидеть в открытой повозке, качающейся из стороны в сторону, было жутко неудобно, Татьяну подбрасывало на каждом ухабе. Но, по крайней мере, ее никто не трогал, а густая темная вуаль защищала от посторонних взглядов, как и широкополая шляпа — от солнца. А тем для раздумий девушке хватало.

Самое ужасное, собственно, не то, что они с сестрой оказались в прошлом, причем довольно далеко. Этот невероятный факт у Татьяны вообще в голове никаким образом не укладывался. Глаза вроде бы видят вокруг все эти мечи, доспехи, островерхие шлемы, пучки волос с воткнутыми шпильками на макушках у мужчин, уши слышат разговоры, которых китайцы двадцатого века вести никак не могут, а веры в реальность нет. Будто не с Татьяной Орловской все это безумие происходит, а она со стороны наблюдает, точно на сеансе в кинотеатре. Надо думать, это рассудок во имя собственной безопасности от мыслей о перемещении во времени постарался отгородиться. А вот то, что их с Люсей разлучили, действительно ужасно.

С самого начала было понятно, что офицер своей выгоды не упустит. За непроницаемостью его тяжелого взгляда Татьяна сразу угадала работу деловой мысли. Пусть для невежественных крестьян две необычные женщины в диковинных

одеяниях — опасные демоницы, а для него они — весьма ценный трофей, который как можно скорее следует обратить в звонкую монету... Или что у них тут в ходу? А не выйдет продать, так хоть обменять или подарить кому-то высокопоставленному ради выгодной протекции. К тому же самый тупой солдафон быстро смекнет, что, если девица с хвостами до сих пор не обратилась в адскую зверюгу и всех на куски не порвала, следовательно, она лишилась своей силы, а потому можно и нужно ее быстрее ловить и в клетку сажать.

Китайцы, они — большие прагматики, что сейчас, что века назад. Так всегда говорил папа, только в его устах звучало уважение, а на деле хваленая китайская прагматичность оказалась в три раза хуже традиционного русского разгильдяйства. Папа, как сестры выяснили уже в Шанхае, очень любил приукрасить действительность. Экзотическая страна чудес и древностей оказалась на поверку весьма и весьма неудобным местом.

Впрочем, папенькины сказки и добрую службу Татьяна сослужили тоже. Едва девушка увидела мужчину в доспехах и верхом на лошади, к тому же во главе вооруженного отряда, она поняла, что говорить правду нельзя ни в коем случае. Никому! Никогда! Чем фантастичнее история их с Люсей появления, тем лучше. Дикари-язычники любят сказки. И никакого страха, никаких криков с истериками.

Посему Татьяна Орловская высокомерно вскинула подбородок и посмотрела на офицера так, словно ожидала визита как минимум главного императорского евнуха, но ее надежды были жестоко обмануты.

— Кто вы такая? — осторожно спросил воин, предусмотрительно выставив перед собой меч.

Таня, ни мгновения не раздумывая, сказала четко и ясно:

— Небесная дева, — а потом сделала плавный жест рукой в сторону Людмилы и молвила: — А это моя сестра — дева-лисица.

Офицер, глянув на Людмилу повнимательнее, сразу же попятился.

Злополучные хвосты, которыми неведомый кутюрье скупно обшил подол Люсиного платья, были такими грязными и заскорузлыми, что принадлежать могли только давным-давно издохшим песцам. Но они были белыми, и это обстоятельство не на шутку встревожило местных. Солдаты тревожно переглядывались, указывая пальцами на экстравагантный ак-

сессуар танцевального наряда, из-за их спин то и дело выглядывали перепуганные крестьяне.

— Люся, запомни, мы — небесные девы, — прошептала Татьяна. — Ни слова о России, ни звука про двадцатый век. Поняла?

— Угу, — буркнула та.

Слава богу, Люсе не нужно повторять дважды. Она уже и сама смекнула, что, чем дольше продержит местных в неведении, тем больше шансов уцелеть. Девушки уже выдавали себя и за генеральских дочерей, и за, прости господи, комиссарш, им к перевоплощениям не привыкать.

— Следуйте за мной, небесные девы, — выдавил представитель власти, а затем выкрикнул короткую команду своим подчиненным.

Девушек тут же взяли в кольцо и куда-то повели.

— Держи себя так, словно действительно только что с небес свалилась, — напомнила Таня сестре. — Но не переборщи.

Та для остротки зыркнула вокруг себя по-звериному злобно, чтобы не сомневались: небесные лисы — они не любят, когда их против шерсти гладят.

Их сопроводили в деревушку неподалеку, и недавние охотники на небесных дев вынуждены были таскать воду для стирки небесных нарядов и купания, делиться едой и «дарить» тележку, чтобы пришелицы ноги по дороге не били. Впрочем, от угощения «феи» категорически отказались.

— Мы пока не можем прикасаться к человеческой еде, — сказала Таня, церемонно отодвигая чашку с рисом и в очередной раз удивляясь, как так получается, что все вокруг понимают ее, а она — их. — Нам, привыкшим к небесному нектару, она может навредить.

И покачала головой совсем как привезенная отцом из Парижа игрушка — китайский болванчик.

— И то верно, — шепотом согласилась Люся. — Еще отравят или усыпят. Потерпим.

Но на рис посмотрела с некоторой тоской и сглотнула слюну.

Все здешние люди носили халаты с запахом, подвязывая их широкими кушаками, и лбов никто не брил. Напротив, у мужчин на макушке красовался узел из волос, либо завязанный платком, либо сколотый шпилькой. Таня покосилась на

короткие и осветленные пергидролем локоны сестры. Ее собственная стрижка тоже должна была вызывать у аборигенов нездоровый интерес. Равно как и белая кожа, серые глаза и прочие расовые отличия уроженки далекого Севера. Что и говорить, мода двадцатого века сыграла с обеими девушками злую шутку. С такими приметам здесь ни спрятаться, ни скрыться. Даже в шелковых халатиках.

Одних только чулок хватит, чтобы история о небесных девах сбереглась в памяти местных жителей еще по меньшей мере три века. Как увидели прислуживающие им женщины, что Таня перед купанием стягивает с ног грязные и мокрые фильдекосовые чулки, так заверещали и врассыпную бросились.

— Чего это они? — удивилась сначала Люся.

А потом глядь на причину страхов — точь-в-точь змеиный выползок валяется.

— Куда ни кинь, всюду клин. Как бы не прибили они нас, от греха подальше, а? Мало ли что в голову этим нехристям придет.

Так что помылись сестры без посторонних глаз. Еще неизвестно, чем покажутся суеверным женщина пояс для чулок или сорочка-комбинация. Заодно сговорились между собой, что рассказывать о житье-бытье небесных дев и лисиц.

— Ты, главное, упирай на то, что ты — лисица небесная, то бишь лиса, прожившая тысячу лет и допущенная на небо. Запомнила?

— Обижаешь, — улынулась Люся. — Мне папа те же сказки рассказывал. Я не только могу у мужчины украсть жизненные силы, но и знаю все на свете тайны, — и лихо так подмигнула, желая приободрить сестру.

— Всем говорим, что нас послал на землю Яшмовый Владыка и строго-настрого запретил говорить смертным, зачем это ему надо.

— Ха! Навру еще, что я не устерегла персики бессмертия в садах богини Западного Неба Си... как ее там, прости господи... Си-ва-мну. Вот!

Татьяна сдержанно фыркнула:

— Не «мну», а «нму»! Сиванму! Еще не хватало перепутать местных богинь.

— У китайцев полным-полно сказок про небесных дев,

лис, белых обезьян и прочую нечисть, так что поверить должны. Не бойсь!

— Яшмовый Владыка все же авторитетней. Как-никак верховное божество у даосов, вершитель судеб на земле и на небе.

— Согласна. Против воли Яшмового Владыки они не попрут.

И новонареченная девой-лисой по имени Лю Си поклялась Богородицей неукоснительно придерживаться этой легенды, но после серьезно призадумалась:

— Но ведь по чьему-то же велению мы здесь оказались? Может, и в самом деле Яшмовый Владыка подсуетился?

Но рассказывать о том, что видела во время светопреставления, не стала. Вдруг померещилось с перепугу?

На том веселье и закончилось, собственно. Потому что при солдатах шутить было как-то совсем неуместно.

Отряд этот вез при себе какие-то ценности — то ли подати, то ли военные трофеи, а потому офицер Шао только и делал, что орал и ругался. Буквально из кожи вон лез, чтобы добро, нагруженное в повозки и прикрытое соломенными циновками, сберечь. Татьяна рассчитывала, что и их, небесных дев, безопасность была для него так же важна.

Однако она ошиблась. Нет, их не отравили и не усыпили, а разлучили — хитро и подло, как тут было заведено исстари. Рано утром, когда Таня еще дремала, офицер Шао елейным голосом попросил благородную госпожу небесную лисицу Лю Си выйти ненадолго из повозки, дескать, с ней хочет познакомиться глава города, который они как раз проезжали. И больше Татьяна сестру не видела.

— Вы пожалеете о своем самоуправстве, офицер Шао, — змеиным шепотом предупредила она и крепко сжала зубы, чтобы не разрыдаться от горя и ужаса.

Тот побледнел, но полный сдержанного гнева взгляд небесной девы худо-бедно выдержал. Видно, не из пугливых был. Остальные старались с Татьяной глазами не встречаться.

Ее везли в столицу ко двору императора, и это был явно не Пекин.

С восемнадцатого года, с первого дня бегства из Петрограда, они не разлучались больше чем на два дня. И то Татьяна на все же пробилась в тифозный барак, чтобы ухаживать за

мечущейся в бреду сестрой. А тут... В далеком прошлом, в огромной и совершенно чужой стране они с Люсей могут потеряться навсегда. Куда сестру увели? Что с ней сделали?

Оглушенная своей потерей, словно громом пораженная, Таня какое-то время ничего вокруг не видела и не слышала. Их родство, их общая кровь, их дружба были до сих пор как волшебство, как оберег, который защитит и отвратит дурные помыслы злых людей, направит на путь истинный и спасет.

И что же теперь? Почему-то в помощь императора Татьяне верилось с трудом. Будет ли самовластный владыка империи слушать женщину, хоть смертную, хоть небесную? Скорее всего, нет.

Бежать обратно в тот город? Так ведь поймают, и хорошо если снова отвезут в столицу, а могут ведь и сжечь. Или что они тут делают с чудными белокожими и светлоглазыми девицами?

И тут в жизнь Татьяны Орловской снова вмешались высшие силы, а может, и сам Яшмовый Владыка, кто знает? Он, видимо наевшись персиков бессмертия, выбросил косточки с облака долой, вниз, на землю. И одна из них попала кому-то прямо по шлему.

Лю Дзы, командир повстанцев

— Командир Лю! Командир Лю!

Голос у доблестного Фань Куая был поистине громоподобен, вполне под стать молодцу, который выпивал три кувшина вина, съедал четверть быка и поднимал на щите троих друзей, — и все это лишь для того, чтобы потешиться. И если бы Фань Куай решил вдруг докричаться до Западного Неба, то наверняка преуспел бы. Но в то утро от могучего воина соратники ожидали лишь одного подвига — «генерал» Фань должен был разбудить предводителя. И, если уж говорить по чести, докричаться до престола Яшмового Владыки выходило как-то проще.

— Лю Дзы! Да проснись же ты!

Командир Лю, сопевший на циновке у прогоревшего ковра, дрыгнул ногой и невнятно буркнул что-то, что верный Фань решил пропустить мимо ушей. И пустой кувшин

командир обнимал так крепко, а причмокивал так сладко, что всякому стало бы ясно — снятся ему, самое меньшее, небесные девы. Он, впрочем, и земных не гнушался. Вот третьего дня как раз...

— Брат Лю! — Фань не выдержал и, наклонившись, проорал в самое командирское ухо: — Врагов проспишь!

— А?

Чего у Лю Дзы было не отнять — просыпался он мгновенно. Как бы ни устал, сколько бы ни выпил накануне и какое бы количество женщин ночью ни грело его циновку. Вскочил — глаза трезвые, хоть и мутные спросонья, меч в руках, штаны... да, со штанами беда, развязаны. Но тесемки завязать недолго. Другое дело, что злющий, как тигр с подпаленным хвостом, разве что не рычит.

— Нападение? Почему тревогу не объявил?

И зыркнул по сторонам что твой ястреб, а потом на верного Фаня грозно уставился.

Богатырь, возвышавшийся над командиром почти на чи¹, потупился и шаркнул ногой, заодно подпихивая к брату Лю его брошенный с вечера сапог:

— Да нет, не нападение... Тут от старика Ге, — ну помнишь, лодочник? — мальчонка прибежал. Говорит, в Желтой реке циньцы выловили небесную деву!

Лю Дзы, небрежно скручивавший волосы в узел, чуть не подавился зажатой в зубах шпилькой.

— Кого они поймали?

— Небесную деву, — не моргнув глазом повторил Фань Куай. — Посланицу Небес, которая прибыла от престола Яшмового Владыки...

— У нее, знать, колесница сломалась, раз она с Небес плюхнулась в воду? — без капли почтения к благоговейному тону соратника хрюкнул Лю Дзы. — Интересно, не отбила ли эта дева свой небесный зад? Вот бы проверить, а, брат Фань?

— Брат Лю всегда так пренебрежительно отзывается о божественных знаках, — укоризненно заметил Цзи Синь — еще один товарищ Лю Дзы. Он подошел, деликатно оттер плечом смущенного Фаня и подал командиру второй сапог.

Лю благодарно хмыкнул, сел и принялся обуваться. Затя-

¹ Древнекитайская мера длины. В эпоху династии Цинь один чи равен двадцати двум сантиметрам и шести миллиметрам.

гивая тесемки, он пожал плечами и глянул на побратима искося, сдувая упавшую на глаза челку:

— Ну я же никогда не сопротивляюсь, когда ты говоришь, что все эти знаки надо использовать, брат Синь...

— Если ты желаешь когда-нибудь править всей Поднебесной, — Цзи Синь назидательно наставил на Лю свой веер, — то должен проявлять побольше почтительности! Слышал ли ты грохот небесных барабанов прошлой ночью? Видел ли пятицветные огни? А облака, принявшие форму драконов и фениксов?

Лю Дзы криво улыбнулся и кашлянул. Простой ночью ему точно было не до драконов и огней, хоть пятицветных, хоть каких. Но сообщать об этом Цзи Синю — верному последователю учителя Кун¹ — означало нарваться на очередной сеанс нравочений, до которых брат Синь был большой охотник.

— Позапрошлой, — вдруг уточнил Фань. — Не прошлой, уважаемый брат Синь, а позапрошлой ночью случились все эти небесные явления.

Лю шмыгнул носом и поскреб затылок. Позапрошлая ночь тоже не располагала к созерцанию пятицветных фениксов, или кто там порхал над Хуанхэ. Маленький отряд Лю Дзы аккуратно позапрошлой ночью пополнял запасы продовольствия самым простым и надежным способом — грабил склад в близлежащем городке, а потом уносил ноги, петляя по ущельям, чтобы сбить со следа солдат Цинь.

— Короче. — Лю встал, отряхнул штаны и улыбнулся. — Брат Синь, брат Фань... вы полагаете, нам эту небесную бабу — то есть небесную посланницу, конечно! — надо слегка пощупать?

— Когда ты уже станешь хоть немного серьезней! — Цзи Синь сердито ударил командира сложенным веером по плечу. — Разве не расслышал? Злодеи захватили посланницу Небес и силой везут ее во дворец кровавого тирана! Мы — герои, сражающиеся против Цинь, обязаны освободить небесную деву, защитить ее и... Нечего ухмыляться! Неужели сложно сообразить? Если слух о небесной деве — правда, заполучив ее, мы заручимся поддержкой самих Небес!

— А если дева не того... то есть... не дева... в смысле, не со-

¹ Кун - цзы — Конфуций.

всем... э... небесная? — осторожно уточнил Фань. — Что тогда?

— Тогда, — веско ответил Цзи Синь, — мы объявим всем, что помогли небесной посланнице вернуться на Небеса. Понятно?

— Что ж непонятного-то. — Лю Дзы проверил, хорошо ли ходит в ножнах меч, и подмигнул. — Так по какой дороге ее, говоришь, везут?

Конечно, нападать столь немногочисленным отрядом на вооруженных до зубов солдат Цинь, везущих в столицу награбленное — то есть конечно же налоги и подати, собранные с покоренного населения, — граничило с чистым безумием. Но у командира Лю был план. Несмотря на слухи, ходившие о его азарте и бесстрашии, если не сказать — безрассудстве, у командира Лю всегда имелся план. Ну или почти всегда. Хотя по большей части Лю Дзы полагался на удачу, действовал спонтанно, за что бывал нещадно руган, а иногда даже бит хитроумным стратегом Цзи Синем. Брат Синь, увы, был старше командира Лю ровно на полгода, и следование пути *учителя* не запрещало ему рукоприкладство в отношении младшего побратима, если тот, по мнению конфуцианца, вел себя недостойно высокого звания героя и лидера восстания. Лю не обижался. Цзи Синь был стратегом, а без стратега какое может быть восстание? Тем паче что по-настоящему важные решения никто из побратимов, ни брат Синь, ни брат Фань, даже не пытались оспорить. Как не спорил Цзи Синь, когда Лю Дзы, молодой, но многообещающий офицер, едва получивший назначение, пустил коню под хвост не только свою карьеру, но и судьбы друзей и родственников. Сопровождать рабочих на строительство гробницы Цинь Шихуанди — что может быть почетней? И что может быть омерзительней, если каждый в Поднебесной знал, что никто из строителей никогда не возвращается обратно живым?

Офицер Лю отпустил рабочих, просто взял и отпустил. Он спас этим три сотни жизней, почти потерял свою, зато приобрел вечную благодарность Цзи Синя и вечную преданность Фань Куая. И почти сотню молодцов, готовых пойти за командиром Лю хоть в огонь, хоть в Санъян, хоть на суд к Яньло-вану¹. Да, этой неполной сотни было маловато, чтобы

¹ Яньло-ван — в древнекитайской мифологии владыка подземного мира.

повергнуть Цинь, но ведь лиха беда начало. Уезд Пэй, где резвились бойцы Лю, изобиловал ущельями, распадками, оврагами, речками и лесистыми склонами. Идеальное место для скрытной войны, когда после молниеносного нападения нужно обращаться в столь же быстрое бегство. За полгода их приключений отряд прирос мало, но лишь потому, что Лю Дзы категорически отказывал всем добровольцам, предпочитая принимать благодарность натурой. Рисом, например. Ну или просом. Или бататом хотя бы. Ладно, на худой конец и редька сгодится!

Хотя стоило бы ему свистнуть, и на зов Пэй-гуна¹, как без всяких шуток уже именовали Лю крестьяне, слетелась бы самое меньшее тысяча молодцов. Но там, где на горных тропках, по оврагам и кустам спрячется сотня, тысяче придется вставать в чистом поле и принимать бой, а это было покуда рановато. Зато во всем уезде не было ни городка, ни селения, ни рыбацкой хижины даже, где не ждали бы вести о том, что Пэй-гун набирает войско. Цзи Синь, которому порядком надоело спать в сырых пещерах и на голых камнях, уже не раз и не два говорил побратиму: «Пора начинать, Лю! Чего ты ждешь?!» Но Лю Дзы лишь отмахивался.

«Земледельцы должны собрать урожай, — отвечал он. — Люди должны накормить свои семьи. Как они уйдут воевать, если им придется оставить родню голодной и во власти алчных чиновников из Цинь?»

Он ждал знака и сейчас, лежа в засаде на крутом обрыве и поглядывая на дорогу, по которой должен был пойти циньский караван, думал: «Эта чудная история с небесной девой, может, знак и есть?»

«Первому взгляду доверять нельзя. Я всегда это знала и тайком гордилась тем, что избавилась от наивности и уже не верила каждому встречному, как когда-то в детстве. Люсенька говорила: мол, это настоящее счастье, когда у человека в жизни были такие времена — искренней веры в добродетель людскую, в божью справедливость, в милосердие. На словах я соглашалась, но в душе не верила. И очень даже зря. Потому что в тот день все сложилось самым причудливым обра-

¹ Пэй-гун — правитель, или владыка уезда Пэй.

зом, и я неожиданно для себя доверилась первому впечатлению...»

(Из дневника Тьян Ню)

Глава 3 НИТИ СПЛЕТАЮТСЯ

«Я много раз слышала о том, что судьбы тех, кому суждено встретиться, накрепко связаны алой нитью. И, как ни старайся, как ни противься судьбе, этих уз не порвать. И встречи, если она суждена, не избежать нипочем. Здесь в это верят. А я... я имела возможность убедиться».

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Саша и Ин Юнчен

Мисс Сян всегда считала себя девушкой рассудительной и не склонной действовать, руководствуясь одними лишь эмоциями. Даже ее отчаянный побег в Сан-Франциско они с бабушкой продумывали и обсуждали не одну неделю. Но, глядя в глаза своего то ли спасителя, то ли почти убийцы, она поняла, что совсем себя не знала: в душе ее таились прямо-таки нескончаемые запасы гнева.

— Эй, — снова повторил наглец и стянул с головы мотоциклетный шлем. — Ты там как, красotka, живая?

Скулы девушки свело от ярости.

— Ты! — задыхаясь от негодования и трясая головой в попытке откинуть с лица пряди мокрых волос, прохрипела она. — Ты!

— Я, — покладисто согласился незнакомец и неожиданно слез с байка.

Саша, не понимая, чего ему надо, по-крабьи скакнула в сторону. Но не тут-то было: грубиян в несколько шагов оказался рядом и плотно взял ее под локоток. Хватка у него была отнюдь не нежная: вырваться девушка не смогла бы, даже если б очень постаралась.

— Что... — пискнула она, но сопротивление было бесполезно: хамоватый мужлан явно контролировал ситуацию.

— Дурочка, — едва ли не ласково сказал он. — Мы ж прямо

на дороге стоим. Или ты... того — всерьез желаешь покинуть этот прекраснейший из миров, детка? Я промахнулся, тебя не сбил, думаешь, другому больше повезет?

Александра в полном ошеломлении глянула на не пойми откуда взявшегося нахала. Он, явно веселясь, сверкнул в ответ возмутительно белыми зубами. Казалось, ливень совсем не мешает ему — довольно щурясь, парень словно специально подставлял под упругие дождевые струи свое улыбающееся лицо и выглядел при этом так, будто всего минуту назад сошел с обложки дорогого журнала для мужчин.

«Убила бы, — рыбкой затрепыхалась в ее сознании огненная мысль. — Голыми руками!» Видимо, что-то такое отразилось у нее на лице, потому что незнакомец заухмылялся еще гнуснее. Был он высоким, ладным, широкоплечим, и это отчего-то разозлило девушку едва ли не больше, чем его хамское поведение.

«Мне, — напомнила себе внучка Тьян Нью, — такие не нравятся. Характер мерзкий и вообще... ни стиля, ни породы. Ну точь-в-точь Хосин¹! Бык! Животное!»

— Слушай, малышка, — оттащив ее на мостовую, заявило между тем «животное», — не упирайся, а? Я тебя тут спасаю с такой силой, что сам удивляюсь, а ты артачишься!

— Я тебе не малышка! — в отчаянии зарычала мисс Сян и неожиданно для самой себя весьма неженственно лязгнула зубами от холода — в промокнувшей одежде даже теплый ветер пронизывал до костей. — И не детка! И не принцесса! Спасает он меня, как же! Да ты меня едва не пришиб, идиот!

— О, — с некоторым даже удивлением протянул парень, — гляди-ка! Характер прорезался. Я-то уж думал, что ты совсем примороженная, ну чисто ледышка.

И с этим словами он шустро стянул с плеч большую черную куртку с яркими аппликациями в виде огненных демонов. Саша приоткрыла рот от удивления — стриптиз посреди городской дороги представлялся ей делом глупым, если не бессмысленным, — но сказать ничего не успела.

— Вот, — неожиданно мирно предложил ей нахал, оставшись в темной майке. — Накинь. Раз уж я сегодня благородным решил побыть, надо ж как следует все сделать, верно?

¹ Божество огня, которое изображали в облике свирепого краснокожего существа с шестью руками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Из огня да в полымя	5
<i>Глава 2.</i> Ни спрятаться, ни скрыться	21
<i>Глава 3.</i> Нити сплетаются	40
<i>Глава 4.</i> На ловца и зверь бежит	61
<i>Глава 5.</i> Лисы и персики	84
<i>Глава 6.</i> Нежданно-негаданно	111
<i>Глава 7.</i> Где сядешь, там и слезешь	135
<i>Глава 8.</i> Отпусти, чтобы поймать	165
<i>Глава 9.</i> Честность — лучшая политика	195
<i>Глава 10.</i> Боги и герои	228
<i>Глава 11.</i> Суета вокруг печенки	263
<i>Глава 12.</i> Проверь, но доверяй	299
<i>Глава 13.</i> Посеять ветер	326
<i>Глава 14.</i> О тиграх и драконах	360